

УДК 81'373.21

Топонимическая система в антропоцентрическом рассмотрении

Картавенко В.С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет», Смоленск**

В статье представлено описание системной организации топонимической лексики. Анализ топонимической системы дается с точки зрения антропоцентрического взгляда на мир, изучения собственных географических названий в связи с человеком. Цель статьи – проанализировать, как функционирует и развивается топонимическая система в ее ментальном бытии.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили памятники письменности XVII-XVIII веков по Смоленскому краю. Методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных ученых в области ономастики. Использовались описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Бурное и стремительное развитие ономастической науки в целом и топонимической в частности как в России, так и за рубежом в последние десятилетия позволило взглянуть на многие вопросы по-новому. Так, например, системная организация топонимической лексики уже ни у кого не вызывает сомнений. Любую языковую систему, и топонимическую в том числе, следует рассматривать не как существующую саму по себе, а и в общенаучном, и в антропоцентрическом проявлении, подразумевая ее оценивание человеком. Топонимическая картина мира всегда территориальна, поэтому обладает местной, локальной спецификой, а следовательно, несет черты регионального менталитета. В настоящей статье мы рассматриваем это на примере названий сел, деревень, пустошей в начале формирования топонимической системы.

Заключение. Топонимическая система не является чем-то однажды и навсегда данным, зафиксированным только в словарях, справочниках или на картах. Она представляет собой не только онтологическое, но и ментальное, антропоцентрическое образование, которое присутствует в сознании людей, носителей языка, как часть общеязыковой картины мира.

Ключевые слова: название, памятники письменности, Смоленский край, топоним, топонимия, топонимическое пространство, лексика, ономастика.

(Ученые записки. – 2018. – Том 25. – С. 102–106)

Toponymic System in Anthropocentric Consideration

Kartavenko V.S.

**Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Smolensk State University», Smolensk (Russia)**

The article presents the description of the system organization of toponymic vocabulary. The analysis of the toponymic system is given by the anthropocentric view of the world, and it explores the native geographical names in connection with person. The article aims to analyze how to operate and develop the toponymic system in its mental existence.

Material and methods. Material for the study consists of the monuments with inscription of the XVII-XVIII centuries on the Smolensk region. The method is based on those works of the domestic and foreign scholars in the field of onomastics, such as used descriptive, comparative-historical, or comparative methods.

Findings and discussions. In recent decades, the rapid and outburst development of onomastic sciences, especially toponymy's development in Russia and abroad, allows people to look at many issues in new ways. Undoubtedly, the systematic organization of toponymic term is almost perfect. Any language system, including toponymy, should not be studied individually; it must be put into all the subjects and anthropocentric manifestation, which means it must be verified by human being. The world of toponymic science is always territorial; therefore it has local specificity. At this point, it brings features of the regional mentality. In this article, we use names of counties, villages, and wastelands as sample to study the origin of formation of the toponymic system.

Conclusion. The toponymic system has its source, and only is defined in dictionaries, reference books or on maps. It is not only ontological, but also mental. The system is not only a part of ontology, but also a component of spirit and anthropocentric. It exists in the mind of human as a carrier of language, also a part of the world of language.

Key words: name, monuments of written language, Smolensk region, toponym, toponymy, toponymic space, vocabulary, onomastics.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 102–106)

Бурное и стремительное развитие ономастической науки в целом и топонимической в частности как в России, так и за рубежом в последние десятилетия позволило взглянуть на многие вопросы по-новому. Так, например, системная организация топонимической лексики уже ни у кого не вызывает сомнений. Признаки, которые характеризуют топонимическую систему, довольно многочисленны и разнообразны. Парадигматические и синтагматические отношения, имеющие место в языковой системе определенного языка, в полной мере принадлежат и топонимической системе. Причем парадигматические отношения представлены в топонимике в сфере тематической соотнесенности, синтагматические – при переходе, например, топонимов из одной группы в другую. Кроме того, вопросы топонимической системы рассматриваются с точки зрения антропоцентрического взгляда на мир, изучения собственных географических названий в связи с человеком. Не только лингвисты, но и психологи, социологи, этнографы обращаются к топонимической тематике, к вопросам топонимической системы. Большое количество работ, их проблематика, широта исследований свидетельствуют о востребованности данного направления в последние годы.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили памятники письменности XVII-XVIII веков по Смоленскому краю. Методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных ученых в области ономастики. Использовались описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Собственные географические наименования, будучи формой воплощения и отражения объективной действительности пространства, явились знаками, во многом определившими всю систему имеющихся знаний о мире. Возникнув в глубокой древности, они способствовали становлению миропонимания человека. Следовательно, имена собственные географических объектов, т.е. топонимы, представляют собой, с одной стороны, систему, тесно связанную с языком в целом, с другой стороны, они образуют особое самостоятельное образование, достаточно независимое и замкнутое.

В современных исследованиях по психологии, философии, социологии, этнолингвистике делается акцент на том, что каждая языковую систему следует рассматривать не как существующую саму по себе, а и в общенаучном, и в антропоцентрическом проявлении. М. Хайдеггер, рассматривая суть бытия, подразумевает, что бытие обязательно оценивается человеком: «Сущее в целом берется так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком» [1, с. 49].

Исследователи-топонимисты неоднократно отмечали, что тот интерес, который вызывают к себе топонимы, объясняется не только своеобразием их функций, загадочностью происхождения громадного их большинства, отличиями их грамматических особенностей от другого класса слов, а именно апеллятивов, но и значительной их информативностью при решении этногенетических проблем.

Основное назначение, функция топонимов – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других. В настоящее время в условиях становления информационного общества трудно переоценить роль и значение топонимов как точных ориентиров на местности.

«Топонимы, являясь продуктом народного сознания, – пишет Г.М. Керт, – отражают все стороны духовной и материальной жизни человека. В топонимах, как и в других проявлениях духовной культуры человека, а именно в фольклоре, обрядах, заговорах, народных верованиях, отразилось своеобразие народа, его менталитет» [2, с. 70].

По мнению Н.Д. Голева, то, что в топонимике как науке долгое время доминировали онтологические имманентоцентристские представления, для которых языковая личность не была обязательной, объясняет тот факт, что она присутствовала в лучшем случае на фоне описаний топонимических систем. Появление антропоцентристских моделей ставит вопрос об их взаимодействии с моделями системоцентристскими. Он считает, что во многом это взаимодействие организуется по принципу дополнительности [3].

В то же время вслед за Н.Д. Голевым отметим, что и ранее в своих поисках исследователи обращались к менталитету жителей – носителей языка. Так, например, знаменитый «принцип относительной негативности» В.А. Никонова являет собой ментальный, антропоцентрический подход к топонимической системе.

Позже Е.Л. Березович в своих исследованиях продемонстрировала переход от общезыкового анализа топонимической системы к ментальному, антропоцентрическому, указав при этом на сложность подобного перехода: «Такой переход для лингвиста представляет собой почти в буквальном смысле выход в открытый космос, поскольку заранее неизвестны ни инвентарь и структура единиц «космического» мировоззренческого уровня, ни способы их сцепления с языковыми единицами. Эта неизвестность создает необычайно широкое для лингвистического исследования интерпретационное поле. Требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми единицами, до характеристики установок, интенций субъекта – носителя

языка, обусловивших именно такое восприятие объекта» [4, с. 23].

В настоящее время не существует одного общепринятого термина, который мог бы использоваться для обозначения всех имеющихся топонимических (или шире – ономастических) единиц. Разные ученые используют самые различные термины, понимая под ними определенное содержание в зависимости от того, какой именно объект исследуется. На сегодняшний день одним из употребительных является термин *ономастическое (топонимическое) пространство* [5]. Кроме указанного термина, исследователи используют термины *топонимическое субполе (ономастическое поле)* [6], *ономастический континуум* [7], *концептосфера онимов* [8], *топонимическая система (ономастическая система)* [9], *топонимикон (ономастикон)* (разные авторы).

На наш взгляд, для описания и представления топонимической лексики наиболее подходящим следует признать термин *топонимическая система*, поскольку он как нельзя лучше отвечает требованиям исследования данного массива слов [10].

В монографии «Теория и методика ономастических исследований» дается целостное определение топонимической системы: «Под топонимической системой понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего ее коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности» [11, с. 51].

При определении и понимании топонимической системы мы придерживаемся точки зрения А.В. Суперанской, а именно рассматриваем топонимическую систему функционально. Под системой мы понимаем не сумму топонимических единиц, а определенный специфический механизм, который преобразует топонимическую лексику (внезависимости от происхождения и этимологии некоторых топонимов) и приводит ее в соответствие с определенными закономерностями, отбрасывая как ненужное, неподходящее то, что не подходит под данные параметры. Формирование же параметров происходит для той или иной территории с учетом наиболее частотных топонимических моделей, с выбором конкретных топонимических формантов, исторических условий, сложившихся в результате взаимодействия народов и их языков, представленных в данном регионе.

В ряде современных исследований отмечается, что если сопоставить топонимическую картину мира и топонимическую систему, то окажется, что они выступают в качестве разных форм бытия: топонимическая картина мира – это антропоцентрическое, топонимическая система – онтоло-

гическое. То есть, топонимическая картина мира выступает в качестве топонимической системы в ее ментальном бытии.

Топонимическая картина мира, это следует отметить особо, всегда территориальна, поэтому обладает местной, локальной спецификой, а следовательно, несет черты регионального менталитета. Рассмотрим это на примере названий сел, деревень, пустошей в самом начале формирования топонимической системы.

В России официальное упорядочение названий сел и деревень начинается во время закрепления за владельцами земельных участков. В период XVI–XVII веков стремительное развитие земледельческой поместной системы привело к тому, что увеличение числа сельских поселений создало необходимость обязательной фиксации в документах многочисленных названий деревень и сел. Закреплялись наименования населенных пунктов в официальных документах, связанных с землевладением. Это были переписи деревень, межевые записи, отказные книги, межевые книги, переписные книги, купчие крепости, спорные дела, писцовые книги, дела о продаже земли, о завладении землей, о порубке леса, о потраве лугов, сборники актов разнородного содержания и многочисленные другие документы.

Для русской топонимической системы характерно прохождение определенных фаз развития. Систему, которая еще только зарождается, формируется, отличает то, что в ней собственные географические названия выступают как развернутые описательные конструкции: *Да в Холмцу Каменскомъ стану в порозжихъ ж земляхъ написано Никитинское поместье Борисова сына Золина пустошь Михеевская на речке на Черной грязи (281/1, 42/1738, 119, 1686 г.); Матвеевское да Истоминское поместье Ивановыхъ детей Бобровых (там же, 119).*

В подобную конструкцию включались имя, или фамилия, или прозвище владельца данного географического объекта, описывалась локализация объекта, а также расположение крупных соседних объектов. «Описательные названия (не обязательно с антропонимом в центре) – непременный признак зарождающейся топонимической системы. Но удельный вес этих названий высок лишь на протяжении короткого периода, предшествующего времени, когда новая система как таковая начинает функционировать: они первыми из неё уходят. Состарившись, топонимические системы теряют многие признаки молодости и отличаются от других систем только обычными параметрами территориального происхождения. И лишь периферийное положение в совокупности топонимических ареалов продолжает указывать, что данная топонимическая система сформировалась позже других» [12, с. 57].

Помимо указанных компонентов, в такую развернутую описательную конструкцию могло входить название водного объекта, который находился поблизости от села или деревни. Сравним примеры из памятников письменности XVII века по Смоленскому краю: в *Вяземском уезде в Гряцком стану пустошь что была д. Яништина на речке на Салате* (См. ст. Вып. 1. Ч. 2. 1687 г.); *пустошь что было село Косканаречкена-Коске* (там же); *пустошь Земкино на пруде* (там же); *пустошь Шалушка на источке на Салотке* (там же); *село Белой Берег на речке Белой Берешке* (См. ст. Вып. 3. Ч. 2. 1624-1625 гг.); *д. Родивово на речке на Соле* (там же); *пустошь Михеевская на речке на Черной грязи* (281/1, 42/1738, 119, 1686 г.); *д. Марозово над озером Островным* (113/1, 205, 2); *д. Панфилово около Крутого ручья* (113/1, 205, 3).

Для того чтобы не путать один населенный пункт с другим, при уточнении места указывали не один ориентир, а сразу два или даже три: *д. Сутоки на речках Верже да Устье* (15174, 329), *село Лосево на реке на Малохве да на речках на Каменке да на Шарневке* (15175, 71 об.), *д. Хатабужа на речках на Ржавце и на Хатабуже* (15175, 235), *д. Некляды на речке Вотре и на колодезе* (там же, 235 об.), *п. Молявна на речке Молявенке да на другой речке Молявенке* (15170, 358 об.), *д. Микулино на болоте и на ручье* (там же, 504), *д. Скарютино на колодези и на ручье* (там же, 504 об.), *д. Хотьбыль на речке Хотьбылке да на речке Тарасовке* (15171, 194 об.).

Топонимия рассматриваемого периода характеризовалась также наличием у сел, деревень, пустошей двойных (иногда тройных) наименований – официального и народного (крестьянского), старого и нового, часто подобные двойные названия были представлены в памятниках письменности следующим образом: *д. Леднево, а Гончарово тож* (15171, 567), *п. Цветухино, Аколища тож* (15177, 647 об.), *п. Коровино, Шоково тож* (15175, 144 об.), *д. Красенцы, а Кречец-тож на реке Вотре и на речке Кречеце* (231 об.), *сц. Ананьино, Острожоктож* (113/1, 212, 21), *д. Секеевичево, Первыкино тож на речке Волчейке* (15170, 367), *д. Небезино, Подшивалова Гора тож* (15174, 237), *д. Поганково, Серково тож* (Смол.ст., вып. 1, ч. 2), *д. Латшино, Захарово тож* (там же), *д. Лукьяновская, а Каваниково, Анфимово тожъ, д. Яковлево, Стогово тожъ, д. Скоморошки, Дубковотожъ, д. Хананинская, Дровничкитожъ, пустошь Ромошина, Холмина, Орешино тожъ* (Смол. ст., вып. 3, ч. 2).

И лишь позже, со становлением топонимической системы, с развитием массива названий, описательные конструкции, двойные наименования заменяются однословными названиями.

В тот период, когда развитие определялось исторической, социальной, языковой и культурной общностью, в топонимах возникли одинаковые черты, характерные для различных территорий Русского государства. Специфические черты сложились под влиянием местных исторических условий экстралингвистического и лингвистического характера и проявились в топонимах, отразивших своеобразие, например, землевладения.

Закключение. Итак, ментальное рассмотрение топонимической системы обращается к языковому сознанию носителей языка определенного периода. Топонимическая система – это результат процесса познания, изучения окружающей человека действительности. В постоянно развивающемся, динамичном ономастическом пространстве пересекаются и взаимодействуют ментальность, язык, мышление.

Топонимическая система не является чем-то однажды и навсегда данным, зафиксированным только в словарях, справочниках или на картах. Она представляет собой ментальное, антропоцентрическое образование, которое присутствует в сознании людей, носителей языка, как часть общезыковой картины мира.

Литература

1. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: сборник: пер. с нем. / под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк. 1991. – 191 с.
2. Керт, Г.М. Топонимное видение народа (на материале саамской топонимии) / Г.М. Керт // Этническое и языковое самосознание: матер. конф., Москва, 13-15 декабря 1995 г. – М.: Наука, 1995. – С. 70-71.
3. Голев, Н.Д. Антропологическая и собственно-лингвистическая доминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) / Н.Д. Голев // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщений международной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 160 с.
4. Березович, Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 335 с.
5. Суперанская, А.В. Терминология и ономастика / А.В. Суперанская // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига: Зинатне, 1973; Суперанская, А.В. Теоретические проблемы ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Суперанская – М., 1974. – 48 с.
6. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
7. Бурькин, А.А. Феномен ономастического билингвизма и проблемы пространственного членения ономастического континуума / А.А. Бурькин // Язык и ментальность. Вып. 13: в 3 ч. – СПб., 2006. Ч. 1. – С. 16-23.
8. Щербак, А.С. Проблемы определения ономастического пространства в языке / А.С. Щербак // Актуаль-

- ные проблемы русской филологии: юбилейный сборник к 80-летию профессора Н.Г. Блохиной / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 474-481.
9. Суперанская, А.В., Исаева, З.Г., Исакова, Х.Ф. Топонимия Крыма. / А.В. Суперанская [и др.] – М.: Изд-во «Московский Лицей», 1997. Т. 1. – 404 с.; Воробьева, И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби / И.А. Воробьева – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. – 247 с.; Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
10. Картавенко, В.С. О развитии ономастической терминологии / В.С. Картавенко // Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 72-80.
11. Суперанская, А.В., Сталтмане, В.Э., Подольская, Н.В., Султанов, А.Х. Теория и методология ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.] – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
12. Карпенко, Ю.А. Признаки молодости топонимической системы / Ю.А. Карпенко // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 48-57.

Примечания

В статье использованы архивные материалы из Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва), Государственного архива Смоленской области (ГАСО, Смоленск), Смоленского исторического музея (СМИИ, Смоленск).

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.